

Научная статья

УДК 343.131

EDN SBLITY

DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(5).611-620

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЦЕЛИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Н.В. Азарёнок

Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

3 февраля 2022 г.

Дата принятия в печать

7 ноября 2022 г.

Дата онлайн-размещения

28 ноября 2022 г.

Ключевые слова

Назначение, цель и задачи уголовного процесса; гуманизация уголовной политики; либерализация уголовно-процессуального законодательства; принцип системности; романо-германская система права; англосаксонская правовая семья; справедливость в уголовном процессе

Аннотация. В статье отмечается, что в основе развития современного общества находятся гуманистические идеи, определяющие политику либерализации современного уголовного и уголовно-процессуального законодательства, анализируются соответствующие изменения, внесенные в Уголовный кодекс и Уголовно-процессуальный кодекс РФ. Рассмотренное обуславливает актуальность исследования вопроса о методологических основах определения цели отечественного уголовного процесса. Из философии следует, что цель деятельности детерминирована внешними факторами и потому должна выводиться извне. Вместе с тем упорядочивание деятельности исполнителей, действующих «внутри» системы, подразумевает постановку перед ними соответствующей цели. При следовании в уголовном процессе логике научного познания «от общего к частному», обосновывается необходимость изначального определения в нем назначения, действующего на максимально высшем уровне обобщения. После этого назначение нужно перевести в практическую плоскость, т.е. поставить цель и задачи уголовного производства. Отмечается, что назначение уголовного процесса — защита от преступных посягательств — определяет цель уголовно-процессуальной деятельности — осуществление самой этой защиты. Такова диалектика цели, проявляющаяся в том, что в ней естественно сочетаются такие качества, как конкретность и общность. При этом цель должна быть достаточно конкретной, а не слишком общей. Поддерживается подход законодателя, используемый в ч. 2 ст. 2 Модельного Уголовно-процессуального кодекса для государств — участников СНГ, где определены результаты, к достижению которых необходимо стремиться органам, ведущим уголовный процесс. Констатируется, что в странах романо-германской системы права цель уголовного судопроизводства считается достигнутой при установлении виновности лица и справедливом применении к нему уголовно-правовых норм в виде наказания, тогда как в англосаксонской правовой семье цель уголовного процесса состоит в урегулировании конфликта между потерпевшим и преступником. Кроме того, в работе обосновывается, что задачи уголовного судопроизводства отражают особенности уголовно-процессуального инструментария, тогда как результаты целедостижения имеют уголовно-правовую природу, поскольку обусловлены внешними по отношению к уголовному процессу факторами. На основе изложенного предлагаются формулировки цели уголовного процесса, а также результаты ее достижения.

Original article

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR DETERMINING THE GOAL OF RUSSIAN CRIMINAL PROCEEDINGS

Nikolay V. Azarenok

Ural State Law University, Yekaterinburg, the Russian Federation

Article info

Received

2022 February 3

Accepted

2022 November 7

Abstract. The author states that modern social development is based on humanistic ideas, which underpin the policy for the liberalization of modern criminal and criminal procedure legislations, and analyzes the corresponding amendments to the Criminal Code and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation. This analysis proves the relevance of researching the methodological foundations of determining the goal

Available online
2022 November 28

Keywords

Purpose, goal and objectives of criminal proceedings; humanization of criminal policy; liberalization of criminal procedure legislation; the principle of consistency; Romano-Germanic system of law; Anglo-Saxon legal family; justice in the criminal process

of Russian criminal proceedings. As philosophy teaches us, the goal of any activity is determined by external factors and should thus be derived from them. At the same time, the organization of the work of actors «within» the system presupposes setting corresponding goals. Applying the logic of scientific cognition «from general to specific» to the criminal process, the author proves that it is necessary to initially determine its purpose at the highest possible level of generalization. After that, the purpose should be interpreted in practical terms, i.e. it is necessary to set the goal and objectives of criminal proceedings. It is noted that the purpose of criminal proceedings — protection against criminal infringements — determines the goal of criminal procedure activities — the implementation of this protection. Such are the dialectic features of the goal manifested in the combination of specific and general characteristics. At the same time, a goal needs to be specific enough, and not too general. The author supports the approach of the lawmakers used in Part 2, Art. 2 of the Model Criminal Procedure Code for the CIS countries, which determines the results that the bodies responsible for criminal procedures should strive to achieve. It is stated that in the countries of the Romano-Germanic legal system the goal of criminal court proceedings is considered to be reached if the guilty party is determined and the just criminal law norms are applied to this party in the form of punishment, whereas in the Anglo-Saxon legal family the goal of criminal proceedings consists in settling the conflict between the victim and the perpetrator. Besides, the author proves that the objectives of criminal court proceedings reflect the specific features of criminal procedure instrumentarium, while the results of reaching their goals are of criminal law nature since they are determined by the factors that are external in relation to the criminal proceedings. Based on this, the author presents the formulation of the goal of criminal proceedings as well as the results of reaching it.

Отечественный законодатель в последние десятилетия последовательно осуществляет гуманизацию уголовной политики, в соответствии с которой практика неоправданного уголовного наказания виновного в совершении преступления заметно сокращается благодаря различным согласительным, примирительным и прочим компромиссным процедурам, что свидетельствует об изменении взаимоотношений государства и личности¹.

Этот аспект был подвергнут обстоятельному анализу профессором Л.В. Головкин в докторской диссертации, посвященной альтернативе уголовного преследования как форме процессуальной дифференциации. В результате авто-

ром делается обоснованный вывод о том, что в последние годы в науках уголовно-правового цикла все чаще констатируется кризис традиционной концепции реакции государства на преступление, в связи с чем требуется более дифференцированный подход к этому вопросу [1, с. 3].

Так, в УК РФ появился механизм изменения категории преступлений на менее тяжкую (ч. 6 ст. 15)², введены составы с так называемой административной преюдицией, позволяющие лицам, нарушившим закон, изменить свое поведение и избежать уголовной ответственности за повторное совершение подобного деяния³. Одновременно с этим Верховным Судом РФ последовательно предпринимаются меры по выводу лиц, впервые совершивших преступления небольшой тяжести, из-под негативных последствий судимости⁴. И, наконец, рассматриваемая

¹ Подведение итогов работы судов общей юрисдикции и арбитражных судов за 2018 год : доклад Председателя Верховного Суда РФ на Совещании-семинаре судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов РФ, Москва, 12 февр. 2019 г. URL: http://supcourt.ru/press_center/video_archive/27607 ; Подведение итогов работы судов общей юрисдикции и арбитражных судов за 2019 год и обсуждение задач на 2020 год : доклад Председателя Верховного Суда РФ, Москва, 12 февр. 2020 г. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/28750 ; Подведение итогов работы судов общей юрисдикции и арбитражных судов за 2020 год и обсуждение задач на 2021 год : доклад Председателя Верховного Суда РФ, Москва, 9 февр. 2021 г. URL: https://vsrf.ru/press_center/news/29655 ; О внесении изменения в статью 281 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : пояснительная записка к проекту федерального закона. URL: <http://www.supcourt.ru/documents/own/28589>.

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 7 дек. 2011 г. № 420-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

³ Имеются в виду ст. 116.1; 151.1; 157; 158.1; ч. 1 ст. 215.3; ст. 215.4; 264.1; ч. 1 ст. 315 УК РФ.

⁴ О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка» : постановление Пленума Верховного Суда РФ 13 окт. 2020 г. № 24. URL: <http://www.supcourt.ru/files/29300>.

тенденция нашла свое воплощение в последовательном увеличении в УК РФ оснований освобождения от уголовной ответственности путем появления институтов судебного штрафа в 2016 г. (ст. 76.2)⁵ и возмещения ущерба в 2018 г. (ст. 76.1)⁶, что расширяет предусмотренные УК РФ варианты положительных для уголовного судопроизводства результатов, включая в них, наряду с наказанием, также и иные меры уголовно-правового характера.

В УПК РФ появились такие ранее неизвестные российскому законодательству производства, как особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (гл. 40), особое производство в отношении отдельных категорий лиц (гл. 52), а также международное сотрудничество в сфере уголовного судопроизводства (ч. 5). Кроме того, были возрождены производства у мирового судьи (гл. 41) и в суде с участием присяжных заседателей (гл. 42). Позже уголовный процесс пополнился особым производством при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (гл. 40.1), дознанием в сокращенном порядке (гл. 32.1), производством по освобождению от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа (гл. 51.1).

С учетом данных изменений, а также общепризнанной взаимосвязи уголовного и уголовно-процессуального законодательства с особой актуальностью вновь встает вопрос об определении методологических основ установления цели отечественного уголовного производства. По справедливому утверждению И.Г. Смирновой в научной литературе вопросы назначения и целеполагания уголовного судопроизводства с завидным постоянством являются предметом исследования, обсуждения, анализа и критики [2, с. 77].

С позиции философии цель деятельности детерминирована внешними факторами и потому должна выводиться извне [3, с. 56]. На это указывает в своей докторской диссертации

Ю.А. Фролов: «Для системы характерно то, что изначально цель ее образования и функционирования задается извне и определяется потребностями внешней для системы среды» [4, с. 75]. Как известно, осуществление процесса ради самого процесса бесполезно и приводит к стагнации всего объекта. Залог успешного развития человеческого бытия — стремление к обмену полученными результатами с окружающей действительностью. Внешние связи являются здесь определяющими, в том числе по отношению к цели. Поэтому в основе определения цели уголовного процесса должны находиться объективные законы бытия. Это значит, что цель уголовного производства следует выводить не из него самого, а из той области практики, частью которой оно является и с чем активно взаимодействует. Поэтому в основе любой человеческой активности лежат потребности, которые аккумулируются в назначении объекта. В результате любой желающий может получить представление об интересующем его явлении [5, с. 59; 6, с. 72]. Однако, когда речь заходит об упорядочивании работы исполнителей, действующих «внутри» системы, одного взгляда со стороны недостаточно, следовательно, появляется необходимость в постановке перед субъектами соответствующей цели.

Такой подход присущ логике научного познания «от общего к частному». Применяя его к уголовно-процессуальной деятельности, получаем, что первоначально следует выделять назначение, которое действует на максимально высоком уровне обобщения безотносительно производства по уголовному делу и, как следствие, обусловлено внешними факторами. На это обращает внимание в своем исследовании И.Г. Смирнова, по мнению которой, появление назначения уголовного судопроизводства имеет внешние причины [7, с. 89]. Затем, определив назначение (взгляд со стороны), его следует перевести в плоскость уголовного судопроизводства, т.е. поставить цель. Цель, по сути, является продолжением назначения. Ее роль состоит в том, чтобы связать обезличенное назначение с «живым» производством по уголовным делам. Если коротко, то цель — это назначение, обращенное к исполнителю, или реализуемое назначение. Цель занимает промежуточное место, располагаясь между назначением и задачами. Таким образом, цель, с одной стороны, обусловлена назначением деятельности, а с другой — целью определяются задачи.

⁵ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности : федер. закон от 3 июля 2016 г. № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2016. № 27, ч. II. Ст. 4256.

⁶ О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : федер. закон от 27 дек. 2018 г. № 533-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 53, ч. I. Ст. 8459.

Итак, как уже нами было установлено, любая практика призвана удовлетворить ту или иную потребность человека. Поскольку уголовное производство создано и функционирует в социуме для защиты общества и личности от преступлений [8, с. 17], значит целью самой этой деятельности может быть только то, для чего она предназначена. Различие лишь в адресате этих понятий. Если назначение обращено к обществу, то цель ставится перед правоприменителем. Поэтому назначение уголовного судопроизводства — защита от преступных посягательств — определяет цель уголовно-процессуальной деятельности — осуществление самой этой защиты.

Вместе с тем сформулированная таким образом цель в силу своей максимальной общности имеет ограниченный потенциал по организации уголовно-процессуальной деятельности и, как следствие, небольшое мотивационное воздействие на правоприменителя, в связи с чем она подлежит уточнению в виде предполагаемых итогов реализации им соответствующей целеустановки. Этот подход сочетается с диалектическим характером цели, который проявляется в том, что в ней естественно объединяются такие, казалось бы, противоречивые качества, как конкретность и общность. Предполагается, что общность цели достаточно высокого уровня представляет собой не мелкую частную задачу, а глобальную проблему, требующую для своего исследования и решения комплексного, системного подхода. В то же время цель не должна быть и слишком туманной, а достаточно конкретно поставленной, причем отдельные ее аспекты и грани конкретизируются дополнительно вытекающими из нее частными целями и задачами [9, с. 18].

В этом плане отчасти заслуживает поддержки подход законодателя, используемый в ч. 2 ст. 2 Модельного Уголовно-процессуального кодекса для государств — участников СНГ, где указаны следующие результаты, к достижению которых необходимо стремиться органам, ведущим уголовный процесс:

- каждый, совершивший запрещенное уголовным законом деяние, был изобличен в соответствии с положениями настоящего Кодекса;
- ни один невинный в совершении преступления не был заподозрен, обвинен и осужден;
- никто не подвергался произвольно, т.е. незаконно либо без необходимости, мерам про-

цессуального принуждения, наказанию, другим ограничениям его прав и свобод⁷.

Вместе с тем в ч. 1 рассматриваемой статьи речь идет не о цели, а о назначении уголовного судопроизводства, что противоречит логике целеполагания. В этом плане заслуживает поддержки позиция К.В. Муравьева, определяющего как цель уголовного судопроизводства, так и результаты ее достижения [10, с. 13]. Однако уважаемый автор, к сожалению, включает вторые положения в состав самой цели, размывая тем самым ее содержание [там же].

Мы солидарны с обозначенной позицией по уточнению ожидаемых итогов уголовно-процессуальной деятельности. При этом последние в соответствии с принципом системности являются частью целого, а именно типа уголовного производства, определяющего их содержание. Согласно этому, процессуалисты, рассматривая отдельный вопрос уголовного процесса, традиционно связывают его с моделью производства по уголовному делу. По мнению А.С. Александрова, «тот или иной принцип является конструктивным элементом конкретной идеальной модели уголовного процесса» [11, с. 166]. Схожей позиции придерживается П.А. Лупинская, отмечая, что «содержание норм о доказательствах и доказывании определяется типом уголовного процесса» [12, с. 5].

При этом следует учитывать, что в странах романо-германской системы права цель уголовного судопроизводства считается достигнутой при установлении виновности лица и справедливом применении к нему уголовно-правовых норм в виде наказания [13, с. 20; 14; 15, с. 387]. В англосаксонской правовой семье цель уголовного процесса состоит главным образом в урегулировании конфликта между потерпевшим и преступником, когда наказание последнего ставится в зависимость от позиции потерпевшего и не является единственно значимым следствием уголовно-процессуальной деятельности [16, с. 9].

Обращение к отечественному уголовному процессу позволяет заключить, что исторически он сложился с публичной установкой на наказание лица, совершившего преступление, чему служит материальная истина как цель уго-

⁷ Принят на седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств. Модельный Уголовно-процессуальный кодекс для государств — участников СНГ : постановление от 17 февр. 1996 г. № 7-6. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901914840>.

ловно-процессуального познания [17, с. 6]. При этом требование справедливого воздействия на личность продолжает сохранять свою актуальность. По мнению Л.М. Ашировой, «признание справедливости принципом общечеловеческого жизнеустройства, универсальным принципом отношений между людьми, народами и государствами предполагает, что все сферы государственной и общественной жизни должны быть проникнуты этой высоконравственной ценностью. А для отношений, возникающих в связи с борьбой с преступностью, т.е. с крайним проявлением зла, нравственная категория справедливости имеет, несомненно, первостепенное значение» [18, с. 9]. Об этом пишет Л.М. Володина: «Роль, которую несет на себе уголовное судопроизводство как социальный институт, выполняющий потребности общества (системы более высокого уровня организации), заключается в предоставлении обществу инструментария, обеспечивающего справедливость. Именно об этом шла речь, когда общество на заре формирования государственности требовало защиты прав потерпевшего и справедливости в разрешении тяжбы, именно об этом идет речь и в настоящее время, когда общество ждет от государства справедливого приговора (иного судебного решения)» [19, с. 52].

Согласно принципу справедливости в уголовном праве, «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, то есть соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного» (ст. 6 УК РФ). Вынося обвинительный приговор, суд применяет нормы УК РФ, способствуя восстановлению социальной справедливости, исправлению осужденных и предупреждению совершения новых преступлений, т.е. реализации целей наказания, установленных ст. 43 УК РФ. В уголовном процессе справедливость чаще всего причисляется к одному из требований, предъявляемых к приговору. Согласно ч. 1 ст. 297 УК РФ, приговор суда должен быть не только законным и обоснованным, но и справедливым.

Таким образом, на сегодняшний день становится очевидным, что обозначенная цель отечественного уголовного производства может считаться достигнутой при установлении виновности лица и справедливом применении к нему наказания.

Вместе с тем, если ограничиться лишь им одним, цель уголовного судопроизводства в глазах правоприменителя целиком будет сводиться к обвинению и изобличению уголовно преследуемого лица. В таком случае это будет не правовая деятельность, а расправа. Важность данного требования подчеркивалась еще учеными дореволюционного периода [20, с. 23; 21, с. 43; 22, с. 32; 23, с. 35]. На это обращает внимание Е.Б. Мизулина, по мнению которой, если одной стороной цели уголовного судопроизводства является справедливое наказание виновного, то другая сводится к ограждению от ответственности и наказания невиновного [24, с. 48–49].

Понимал значимость данного положения и советский законодатель, поместив его в ст. 2 УПК РСФСР 1960 г., где решение задач уголовного судопроизводства осуществлялось с тем, чтобы каждый совершивший преступление был подвергнут справедливому наказанию и ни один невиновный не был привлечен к уголовной ответственности и осужден. Об этом же писали и некоторые процессуалисты, отмечая, что чем сильнее идет борьба с преступностью, тем тщательней должно вестись расследование и судебное рассмотрение уголовного дела. Если требуется, чтобы ни один преступник не избежал заслуженного наказания, то не менее важно и другое: ни один невиновный не должен быть привлечен к уголовной ответственности и осужден [25, с. 11]. Указывая на это обстоятельство, Б.А. Галкин в 1967 г. замечал, что «...уголовный процесс лишь в той мере есть совершенное средство преследования виновных, в какой он является лучшим средством ограждения невиновных. Всякое усиление преследования за счет сокращения правовых гарантий охраны личности неминуемо ведет к необоснованному осуждению невиновных и, наоборот, преследование при соблюдении всех процессуальных гарантий — условие изобличения действительно виновных» [26, с. 34].

Рассматриваемое положение было усилено в период проведения судебно-правовой реформы, когда учеными-процессуалистами был выдвинут тезис: «Утопия: «Не допустить, чтобы ни один виновный не избежал ответственности». Реальность: «Ни один невиновный не должен понести наказание»»⁸. В итоге это требование получило закрепление в ч. 2 ст. 6 УК РФ в такой формулировке: «Уголовное преследование и на-

⁸ «Агенты влияния» судебной реформы // Российская юстиция. 1993. № 11. С. 3.

значение виновным справедливого наказания в той же мере отвечают назначению уголовного судопроизводства, что и отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию».

Помимо этого, в правовом обществе любой пострадавший от незаконных действий лиц, осуществляющих уголовно-процессуальную деятельность, вправе рассчитывать на свою реабилитацию. Такова обычная практика цивилизованных стран, когда государство ответственно за свои действия перед каждым своим гражданином. Значимость данного положения усиливается в публичном уголовном судопроизводстве, где вся полнота власти принадлежит государственным органам. Они обязаны принять все меры к восстановлению прав и свобод человека в случае его ошибочного обвинения. «Публичный характер, — пишет М.Т. Аширбекова, — проявляется и в юридической ответственности государства, обязанного возмещать ущерб лицам, в отношении которых незаконно и необоснованно допущено уголовное преследование, причем независимо от вины органа дознания, дознавателя, следователя и прокурора. Возмещение ущерба производится вне судебного порядка, т.е. в неисковой форме. Государство компенсирует и моральный вред: прокурор обязан от имени государства приносить официальное извинение реабилитированному за причиненный вред (ч. 1 ст. 136 УПК РФ)» [27, с. 59].

В юридической литературе существует несколько позиций относительно понятия «реабилитация». А.Г. Эдилян указывает, что реабилитация — это «решение правомочного правоохранительного органа, выраженное в предусмотренном законом уголовно-процессуальном акте, констатирующее отсутствие (неустановление) события или состава преступления либо недоказанность участия в совершении преступления, в отношении неправильно осужденного лица» [28, с. 8–9]. Б.Т. Безлепкин понимает под реабилитацией оправдание подсудимого или прекращение уголовного дела в отношении осужденного, обвиняемого, а также подозреваемого за отсутствием события или состава преступления либо за недоказанностью участия указанных лиц в совершении преступления [29, с. 25].

К сожалению, прежний УПК РСФСР 1960 г. не обязывал суд, прокурора, следователя и дознавателя предпринимать меры по реабилита-

ции. В то же время в юридической литературе того времени приводились аргументы в пользу необходимости данного требования. Вот что по этому поводу писала П.С. Элькинд: «Серьезного внимания заслуживают предложения восполнить задачи уголовного судопроизводства указанием на реабилитацию лиц, неосновательно привлеченных к уголовной ответственности и неосновательно осужденных, что представляется важным не только в интересах таких лиц, но и для утверждения справедливости» [30, с. 102].

УПК РФ в этом вопросе приблизился к мировым стандартам. Так, понятие реабилитации впервые получило нормативное закрепление в п. 34 ст. 5 УПК РФ как порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда. Этому же вопросу посвящена гл. 18 УК РФ. Считается, что реабилитация немыслима без государственно-властной деятельности и решения компетентного органа (должностного лица) в отношении конкретного участника процесса. Признание права на реабилитацию лица (ч. 1 ст. 134 УПК РФ) напрямую связано с видом юридического акта (приговор, определение, постановление) и субъектом, уполномоченным их принимать (суд, прокурор, следователь, дознаватель). Поэтому требование о недопущении привлечения невиновных к уголовной ответственности должно быть дополнено положением о возможной последующей их реабилитации. Сторонником включения реабилитации в число задач, стоящих перед государственными органами, является С.А. Бетров: «Одной из приоритетных, важнейших задач государства является реабилитация граждан, пострадавших от незаконных действий органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда» [31, с. 18].

Таким образом, цель уголовного процесса подразумевает как справедливое применение к виновному не только наказания, но и иных мер уголовно-правового характера, так и ненаказание невиновного и неприменение к нему иных мер уголовно-правового характера с реабилитацией каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию. О важности данных требований писала в свое время П.С. Элькинд, отмечавшая, что «никакими соображениями, например, в том числе заботой об охране прав и интересов личности от неосновательного привлечения и осуждения, нельзя оправдать нераскрытое преступление, необнаружение виновного

или его неосновательное оправдание, впрочем, как и соображениями относительно устранения нераскрываемости преступлений или неустановления виновных нельзя оправдать привлечение и осуждение невиновных» [32, с. 43].

Предложенные два положения являются, по сути, критериями, обозначающими достижение цели уголовного судопроизводства, позволяющими оценивать эффективность проведенного производства по уголовному делу и обеспечивающими «обратную» связь с обществом. Кроме того, их законодательное определение усилит мотивационное действие целеполагания на правоприменителя в направлении общественно полезного результата и сделает абстрактно-теоретическую цель понятной для всех участников уголовного судопроизводства.

Нами не поддерживается точка зрения тех ученых, которые относят данные положения к задачам уголовного судопроизводства [33, с. 34; 34, с. 42–43; 35, с. 11], так как последние с позиции методологии не соответствуют назначению категории «задача», поскольку не указывают, как ответственным должностным лицам следует достигать цели. Они лишь детализируют ее, доводя смысл задуманного, тогда как задачи представляют собой практические установки целедостижения, правильное выполнение которых и должно привести к обозначенным итогам. Другими словами, если предложенные нами разъяснения цели позволяют правоприменителю лучше понять, чего ему следует достичь, то задачи отвечают на вопрос, каким образом это можно сделать. Это соответствует философии задач. Вот что пишет по этому поводу один из основоположников теории деятельности А.Н. Леонтьев: «Цель устанавливает в деятельности аспект интенциональный (что именно должно быть достигнуто), а задача — операционный (как, каким способом это может быть достигнуто)» [36, с. 156]. Солидарен с ним и А.Э. Петросян: «Что же такое задача? Это необходимость достижения цели в тех условиях, в которых субъекту приходится действовать» [37, с. 24]. Поэтому мы согласны с Р.А. Хашимовым в том, что «наказание виновного либо освобождение от наказания невиновного есть простое следствие установления истины, и поэтому не является само по себе задачей уголовного судопроизводства» [38, с. 40].

Из этого следует важный для настоящего исследования вывод о том, что задачи уголовного судопроизводства должны отражать

особенности уголовно-процессуального инструментария, тогда как результаты целедостижения имеют уголовно-правовую природу, поскольку обусловлены внешними по отношению к уголовному процессу факторами. На этот нюанс обращает внимание Ю.А. Фролов: «Вопрос, каким образом может быть получен искомый результат, решается уже внутри системы и на основе ее закономерных механизмов» [4, с. 75]. Так проявляется органическая связь уголовного права и процесса, состоящая в том, что положения первого из них об установлении виновности лица и справедливом применении к нему наказания или иных мер уголовно-правового характера, ненаказании невиновного и неприменении к нему иных мер уголовно-правового характера с реабилитацией каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, достигаются вторым [39; 40, с. 119; 41, с. 17; 42, с. 5–8; 43, с. 4; 44, с. 27; 45, с. 72].

Однако то, каким образом это будет сделано, УК РФ не может определять, поскольку это относится к исключительной компетенции УПК РФ. Понимая это, законодатель сначала в ст. 2 Модельного Уголовно-процессуального кодекса для государств — участников СНГ, а затем в ст. 6 УПК РФ исключил изложенные положения из задач, поместив их в назначение, отразив, тем самым, общественно-полезные результаты уголовного судопроизводства. Считаем, что в соответствии с логикой целеполагания, их место должно быть сразу за целью уголовного судопроизводства.

Изложенное позволяет сформулировать цель уголовного судопроизводства, а также результаты ее достижения.

Целью уголовного процесса является защита общества и человека от преступных посягательств в результате:

- справедливого наказания виновного или применения к нему иных мер уголовно-правового характера;

- ненаказания невиновного и неприменения к нему иных мер уголовно-правового характера с реабилитацией каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию.

Примененный подход соответствует как всеобщим законам бытия, обуславливающим назначение уголовного процесса в удовлетворении соответствующих общественных потребностей, так и национально-правовым особенностям, отражающим соотношение публичного и личного интересов в уголовном судопроиз-

водстве, представляющим в нашем случае в виде их баланса. Последний обнаруживается, в частности, в том, что обозначенный под первым номером результат уголовного судопроизводства альтернативно содержит два положения: с одной стороны, публичное требование по наказанию виновного, а с другой — применение к нему иных мер уголовно-правового характера как проявление частного начала. При этом соблюдается очередность данных ценностей, где сначала идет наказание и только затем иные меры. Это лишний раз подчеркивает аксиологи-

ческую установку сформулированной цели, состоящей в первоочередной защите общества от преступных посягательств.

Второе положение — ненаказание невиновного и неприменение к нему иных мер уголовно-правового характера с реабилитацией каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию, также является отражением частного начала, уравнивая его в итоге с публичностью в предлагаемом нами подходе к цели уголовного судопроизводства и результатам ее достижения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию как форма процессуальной дифференциации (современные тенденции развития) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Л.В. Головкин. — Москва, 2003. — 463 с. — EDN NMRYAN.
2. Смирнова И.Г. Уголовно-процессуальная стратегия: конфликт целеполагания / И.Г. Смирнова. — DOI 10.17223/22253513/28/7. — EDN XSQMSD // Вестник Томского государственного университета. Право. — 2018. — № 28. — С. 76–82.
3. Керимов Д.А. Методология права: предмет, функции, проблемы философии права / Д.А. Керимов. — 2-е изд. — Москва : Изд-во СГУ, 2001. — 559 с.
4. Фролов Ю.А. Система уголовного судопроизводства: история и современные тенденции развития : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Ю.А. Фролов. — Ростов на Дону, 2006. — 370 с.
5. Баранова Л.А. Потребности. Доходы. Потребление / Л.А. Баранова, А.И. Левин. — Москва : Экономика, 1988. — 351 с.
6. Знак З.В. Категории «потребность», «интерес», «цель» и их роль в анализе социального детерминизма : дис. ... канд. филос. наук : 09.00.01 / З.В. Знак. — Москва, 1984. — 193 с.
7. Смирнова И.Г. Социальная ценность уголовного судопроизводства / И.Г. Смирнова. — Москва : Юрлитинформ, 2011. — 352 с.
8. Смирнова И.Г. К вопросу о современной уголовно-процессуальной политике и ее значении / И.Г. Смирнова, Д.В. Шаблинская. — EDN ZWBOMP // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. — 2017. — № 4 (18). — С. 16–36.
9. Белкин А.Р. УПК РФ: нужны ли перемены? / А.Р. Белкин. — Москва : ИНФРА-М, 2013. — 416 с.
10. Муравьев К.В. Оптимизация процессуальной формы применения уголовного закона / К.В. Муравьев. — Москва : Проспект, 2019. — 264 с. — DOI 10.31085/9785392297160-2019-264. — EDN IQQUCI.
11. Александров А.С. Принципы уголовного судопроизводства / А.С. Александров. — EDN TKSQKB // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 2003. — № 5. — С. 162–178.
12. Лупинская П.А. Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе / П.А. Лупинская // Российская юстиция. — 2002. — № 7. — С. 5–8.
13. Pieth M. Schweizerisches Strafprozessrecht / M. Pieth. — Basel, 2009. — 228 p.
14. Yenis F. Criminal Procedure Law in Turkey / F. Yenis // Kansas Journal of Law & Public Policy. — 2015. — May. — P. 10–14.
15. Karabulut F. Ceza Muhakemesinde Delil Kavrami Kovuşturma Surecinde Hakimlerin Delil Aglisi / F. Karabulut, E. Karapazarlıoğlu, H. Tosun // Türkiye Barolar Birliği Dergisi. — 2015. — Vol. 120. — P. 385–422.
16. Гуценко К.Ф. Уголовный процесс западных государств / К.Ф. Гуценко, Л.В. Головкин, Б.А. Филимонов. — 2-е изд., доп. и испр. — Москва : Зерцало-М, 2002. — 528 с.
17. Вектор направления дальнейшего развития уголовного судопроизводства / О.И. Андреева, С.Л. Лось, А.А. Рукавишников, Т.В. Трубникова. — EDN YMIKV // Уголовное право. — 2017. — № 4. — С. 5–9.
18. Аширова Л.М. Проблемы реализации принципа справедливости в уголовном процессе / Л.М. Аширова ; под науч. ред. З.Д. Еникеева. — Москва : Юрлитинформ, 2007. — 187 с.
19. Володина Л.М. Назначение уголовного судопроизводства и проблемы его реализации / Л.М. Володина. — Москва : Юрлитинформ, 2018. — 296 с.
20. Розин Н. Уголовное судопроизводство / Н. Розин. — Санкт-Петербург : Право, 1916. — 250 с.
21. Фельдштейн Г.С. Лекции по уголовному судопроизводству / Г.С. Фельдштейн. — Москва : Типо-лит. В. Рихтер, 1915. — 432 с.
22. Червонецкий Д.А. Предмет и задачи науки уголовно-судебного права / Д.А. Червонецкий. — Юрьев : Тип. К. Матисена, 1910. — 64 с.
23. Кони А.Ф. Уголовный процесс: нравственные начала / А.Ф. Кони. — Москва : Юрайт, 2019. — 152 с.
24. Мизулина Е.Б. О модели уголовного процесса / Е.Б. Мизулина. — EDN TUCUGR // Известия высших учебных заведений. Правоведение. — 1989. — № 5. — С. 48–55.
25. Николайчик Н.И. Всесторонность, полнота и объективность предварительного расследования / Н.И. Николайчик, Е.А. Матвиенко. — Минск : Изд-во БГУ, 1969. — 192 с.
26. Галкин Б.А. Советский уголовно-процессуальный закон / Б.А. Галкин. — Москва : Госюриздат, 1962. — 255 с.

27. Аширбекова М.Т. О публично-правовом характере досудебного производства / М.Т. Аширбекова // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 27–28 янв. 2005 г. В 2 ч. — Екатеринбург, 2005. — Ч. 1. — С. 58–61.
28. Эдилян А.Г. Реабилитация в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.Г. Эдилян. — Москва, 1978. — 24 с.
29. Безлепкин Б.Т. Возмещение вреда, причиненного гражданину судебно-следственными органами / Б.Т. Безлепкин. — Москва, 1979. — 204 с.
30. Элькинд П.С. Категории «цель» и «средство» в сфере уголовно-процессуального регулирования / П.С. Элькинд // Советское государство и право. — 1972. — № 8. — С. 98–103.
31. Бетрозов С.А. Институт реабилитации в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / С.А. Бетрозов. — Санкт-Петербург, 2006. — 214 с.
32. Элькинд П.С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / П.С. Элькинд. — Ленинград : Изд-во Ленингр. ун-та, 1976. — 143 с.
33. Евлоев Р.М. Процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов лиц, потерпевших от преступлений (стадия предварительного расследования) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Р.М. Евлоев. — Санкт-Петербург, 2005. — 210 с.
34. Зацепина Е.М. Уголовно-правовое обеспечение реализации назначения уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Е.М. Зацепина. — Ульяновск, 2005. — 250 с.
35. Нисевич К.М. Процессуальные гарантии защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения и ограничения ее прав и свобод в стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / К.М. Нисевич. — Санкт-Петербург, 2003. — 216 с.
36. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев // Избранные психологические произведения. В 2 т. Т. 2. — Москва, 1983. — С. 94–231.
37. Петросян А.Э. От цели к средству (задачи и их решение) / А.Э. Петросян. — EDN PUXZAB // Credo new. — 2009. — № 2. — С. 23–25.
38. Хашимов Р.А. Категория «цель» в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Р.А. Хашимов. — Челябинск, 2006. — 240 с.
39. Акутаев Р.М. Некоторые проблемы определенности уголовно-правовых норм / Р.М. Акутаев. — EDN TBFFVN // Российская юстиция. — 2014. — № 12. — С. 19–22.
40. Божьев В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения / В.П. Божьев. — Москва : Юрид. лит., 1975. — 176 с.
41. Васильченко А.А. Взаимосвязь уголовно-правовых и уголовно-процессуальных правовых отношений : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Васильченко. — Волгоград, 2005. — 198 с.
42. Гуляев А.П. Цели, задачи и принципы как фундаментальные положения уголовно-процессуального права: по закону, теории и практике / А.П. Гуляев. — EDN PCTISR // Российский следователь. — 2012. — № 16. — С. 5–8.
43. Павлов Н.Е. Уголовно-процессуальное законодательство и уголовный закон: проблемы соотношения и применения : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / Н.Е. Павлов. — Москва, 2000. — 48 с.
44. Толкаченко А.А. Некоторые проблемы применения уголовно-процессуального законодательства в практике судов общей юрисдикции / А.А. Толкаченко // Перспективы развития уголовно-процессуального права и криминалистики. — Москва, 2012. — С. 26–28.
45. Якимович Ю.К. О возможности достижения объективной истины в современном уголовном судопроизводстве / Ю.К. Якимович. — EDN SHCIQX // Уголовная юстиция. — 2014. — № 1 (3). — С. 69–74.

REFERENCES

1. Golovko L.V. *Alternatives to Criminal Prosecution as a Form of Process Differentiation: Modern Development Tendencies. Doct. Dis. Thesis.* Moscow, 2003, 463 p. EDN: NMRVAN.
2. Smirnova I. G. Criminal Procedure Strategy: Conflict of the Goal. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2018, no. 28, pp. 76–82. (In Russian). EDN: XSQMSD. DOI: 10.17223/22253513/28/7.
3. Kerimov D.A. *The Methodology of Law: Subject, Functions, Problems of the Philosophy of Law.* 2nd ed. Moscow, Modern Humanitarian University Publ., 2001. 559 p.
4. Frolov Yu.A. *A System of Criminal Court Procedure: History and Modern Trends. Doct. Diss.* Rostov-on-Don, 2006. 371 p.
5. Baranova L.A., Levin A.I. *Needs. Incomes. Consumption.* Moscow, Ekonomika Publ., 1988. 351 p.
6. Znak Z.V. *The categories «need», «interest», «goal» and their role in the analysis of social determinism. Cand. Diss.* Moscow, 1984. 193 p.
7. Smirnova I.G. *The Social Value of Criminal Court Procedure.* Moscow, YurLitinform Publ., 2011. 352 p.
8. Smirnova I.G., Shablinskaya D.V. To a Question of Modern Criminal Procedure Policy and its Value. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya = Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings*, 2017, no. 4, pp. 16–36. (In Russian). EDN: ZWBOMP.
9. Belkin A.P. *Criminal Procedure Code of the Russian Federation: Do we Need Change?* Moscow, Infra-M Publ., 2013. 416 p.
10. Muraviev K.V. *Optimization of the Procedural Form of Application of Criminal Law.* Moscow, Prospekt Publ., 2019. 264 p. EDN: IQQUCI. DOI: 10.31085/9785392297160-2019-264.
11. Aleksandrov A.S. Principles of Criminal Proceedings. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Bulletin of Higher Educational Establishments. Jurisprudence*, 2003, no. 5, pp. 162–178. (In Russian). EDN: TKSQKB.
12. Lupinskaya P.A. Evidence and Proof in the New Criminal Process. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2002, no. 7, pp. 5–8. (In Russian).
13. Pieth M. *Schweizerisches Strafprozessrecht*, Basel, 2009. 228 p.

14. Yeniz F. Criminal Procedure Law in Turkey. *Kansas Journal of Law & Public Policy*, 2015, May, pp. 10–14.
15. Karabulut F., Karapazarlioglu E., Tosun H. Ceza Muhakemesinde Delil Kavrami Kovusturma Surecinde Hakimlerin Delil Aglisi. *Turkiye Barolar Birliği Dergisi*, 2015, vol. 120, pp. 385–422.
16. Gutsenko K.F., Golovko L.V., Filimonov B.A. *Criminal Process in the Western Countries*. 2nd ed. Moscow, Zertsalo-M Publ., 2002. 528 p.
17. Andreeva O.I., Lon S.L., Rukavishnikova A.A., Trubnikova T.V. Vector of the Direction of Further Development of Criminal Legal Proceedings. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2017, no. 4, pp. 5–9. (In Russian). EDN: YMIKIV.
18. Ashirova L.M., Enikeev Z.D. (ed.). *Problems of the Implementation of the Principle of Justice in the Criminal Process*. Moscow, YurLitinform Publ., 2007. 187 p.
19. Volodina L.M. *The Purpose of Criminal Court Proceedings and Problems of its Implementation*. Moscow, YurLitinform Publ., 2018. 296 p.
20. Rozin N. *Criminal Judicial Proceeding*. Saint Petersburg, Pravo Publ., 1916. 250 p.
21. Feldshtein G.S. *Lectures on Criminal Court Proceedings*. Moscow, V. Rikhter Publ., 1915. 432 p.
22. Chervonetskii D.A. *The Object and Tasks of the Theory of Criminal Court Law*. Yurev, K. Mattisena Publ., 1910. 64 p.
23. Koni A.F. *Criminal Process: Moral Basis*. Moscow, Yurait Publ., 2019. 152 p.
24. Mizulina E.B. On the Model of Criminal Trial. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Bulletin of Higher Educational Establishments. Jurisprudence*, 1989, no. 5, pp. 48–55. (In Russian). EDN: TUCUGR.
25. Nikolaichik N.I., Matvienko E.A. *Comprehensiveness, Completeness and Objectivity of Preliminary Investigation*. Minsk, Belarusian State University Publ., 1969. 192 p.
26. Galkin B.A. *Soviet Criminal Procedure Law*. Moscow, Gosyurizdat Publ., 1962. 255 p.
27. Ashirbekova M.T. On the public law character of pre-trial proceedings. *Fifty-year Anniversary of the Department of Criminal Process of Ural State Law Academy. Materials of International Scientific and Practical Conference, Yekaterinburg, January 27–28, 2005*. Yekaterinburg, 2005, pt. 1, pp. 58–61. (In Russian).
28. Edilyan A.G. *Rehabilitation in Soviet criminal process. Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 1978. 24 p.
29. Bezlepkin B.T. *The compensation of harm inflicted on a person by court and investigation authorities*. Moscow, 1979. 204 p.
30. Elkind P.S. The categories «goal» and «means» in the sphere of criminal procedure regulation. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1972, no. 8, pp. 98–103. (In Russian).
31. Betrozov S.A. *The institute of rehabilitation in Russian criminal process. Cand. Diss.* Saint Petersburg, 2006. 214 p.
32. Elkind P.S. *The Targets and Ways of Reaching them in Soviet Criminal Procedure Law*. Leningrad State University Publ., 1976. 143 p.
33. Evloev R.M. *Procedural guarantees of protecting the rights and lawful interests of crime victims (the stage of preliminary investigation). Cand. Diss.* Saint Petersburg, 2005. 210 p.
34. Zatsepina E.M. *Criminal law support of the implementation of the purpose of criminal court proceedings. Cand. Diss.* Ulyanovsk, 2005. 250 p.
35. Nisnevich K.M. *Procedural guarantees of the protection of a person against ungrounded accusation and limitation of their rights and freedoms at the stage of preliminary investigation. Cand. Diss.* Saint Petersburg, 2003. 216 p.
36. Leontiev A.N. Activities. Consciousness. Personality. In *Selected Psychological Works*. Moscow, 1983. Vol. 2, pp. 94–231. (In Russian).
37. Petrossyan A.E. From End to Means (Problems and Their Solution). *Credo New*, 2009, no. 2, pp. 23–25. (In Russian). EDN: PUXZAB.
38. Khashimov R.A. The Category of «Goal» in the Criminal Process. Cand. Diss. Chelyabinsk, 2006. 240 p.
39. Akutaev R.M. Some Problems of Criminal Law Certainty. *Rossiiskaya yustitsiya = Russian Justice*, 2014, no. 12, pp. 19–22. (In Russian). EDN: TBFFVN.
40. Bozhev V.P. *Criminal procedure legal relations*. Moscow, Yuridicheskaya Literatura Publ., 1975. 176 p.
41. Vasilchenko A.A. *Links between criminal law and criminal procedure legal relations. Cand. Diss.* Volgograd, 2005. 198 p.
42. Gulyaev A.P. Goals, Tasks and Principles as Fundamentals of Criminal Procedure Law: in Law, Theory and Practice. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2012, no. 16, pp. 5–8. (In Russian). EDN: PCTISR.
43. Pavlov N.E. *Criminal procedure legislation and criminal law: Problems of correlation and application. Doct. Diss. Thesis*. Moscow, 2000. 48 p.
44. Tolkachenko A.A. Some problems of using criminal procedure legislation in the practice of general jurisdiction courts. *The Prospects of Developing Criminal Procedure Law and Criminalistics*. Moscow, 2012. Pt. 2, pp. 26–28. (In Russian).
45. Yakimovich Y.K. On the Possibility of Objective Truth in Modern Criminal Procedure. *Ugolovnaya yustitsiya = Russian Journal of Criminal Law*, 2014, no. 1, pp. 69–74. (In Russian). EDN: SHCIQX.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Азарёнок Николай Васильевич — доцент кафедры уголовного процесса Уральского государственного юридического университета, доктор юридических наук, доцент, г. Екатеринбург, Российская Федерация; e-mail: Azarenok_96@mail.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Азарёнок Н.В. Методологические основы определения цели отечественного уголовного процесса / Н.В. Азарёнок. — DOI 10.17150/2500-4255.2022.16(5).611-620. — EDN SBLITY // Всероссийский криминологический журнал. — 2022. — Т. 16, № 5. — С. 611–620.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Azarenok, Nikolay V. — Ass. Professor, Department of Criminal Procedure, Ural State Law University, Doctor of Law, Ass. Professor, Yekaterinburg, the Russian Federation; e-mail: Azarenok_96@mail.ru.

FOR CITATION

Azarenok N.V. Methodological Foundations for Determining the Goal of Russian Criminal Proceedings. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2022, vol. 16, no. 5, pp. 611–620. (In Russian). EDN: SBLITY. DOI: 10.17150/2500-4255.2022.16(5).611-620.